

Санкции и их влияние на договорные обязательства в сравнительно-правовой перспективе

Д. С. Петрова

Для цитирования: *Петрова Д. С.* Санкции и их влияние на договорные обязательства в сравнительно-правовой перспективе // Правоведение. 2023. Т. 67, № 4. С. 489–500.
<https://doi.org/10.21638/spbu25.2023.406>

В статье анализируется проблематика санкционных ограничений и запретов и их влияния на договорные обязательства. Санкции объективно и по своей природе воздействуют на экономику в целом и, следовательно, оказывают влияние на заключенные частными лицами договоры. Однако сегодня исследование данного вопроса осуществляется главным образом в разрезе публично-правового регулирования, а не частного права. В английском праве проблемы законодательных ограничений и запретов и их влияния на динамику договора изучаются уже более века в рамках доктрины тщетности цели договора (frustration of purpose). И английское право допускает возможность прекращения договора ввиду его тщетности из-за введенных санкций. Английские суды достаточно осторожно применяют данный подход и используют его только тогда, когда под влиянием законодательных ограничений и запретов изменяется сама суть заключенного договора, а не просто не оправдываются мотивы стороны вступления в сделку. Это позволяет, во-первых, защитить пострадавшие стороны договора, а во-вторых, не дестабилизировать гражданский оборот. В российском праве урегулировать вопрос влияния санкций на договорные обязательства призвана ст. 451 ГК РФ. Однако на протяжении всего времени существования данной нормы отечественные суды демонстрируют негативное отношение к ней и не применяют ее тогда, когда она выступает адекватным регулятором фактических отношений сторон. Сегодня российский правоприменитель позволяет стороне договора только освободиться от ответственности за нарушение своего обязательства на основании п. 3 ст. 401 ГК РФ в случае, если такое неисполнение произошло вследствие введения санкционных ограничений и запретов. Вместе с тем стоит отметить, что данный подход судов не является однозначным: нередко суды отказываются признавать санкции как обстоятельство непреодолимой силы. И это не способствует внесению ясности в практику применения правил п. 3 ст. 401 ГК РФ и защите сторон договора от действия на них внешних обстоятельств, которые они не могут ни контролировать, ни предотвратить.

Ключевые слова: договор, договорные обязательства, изменение обстоятельств, отпадение цели договора, непреодолимая сила, прекращение договора.

Введение

В последние годы санкции стали неотъемлемой частью экономики и гражданского оборота. Сегодня едва ли можно найти предпринимателя, которого тем или иным образом не затронули вводимые государствами санкции и контрсанкции. Именно поэтому исследование подобного рода ограничений и запретов — их понятия, классификации и видов, места в праве — в настоящее время набирает обороты.

Петрова Дарья Сергеевна — канд. юрид. наук, практ. юрист, мл. науч. сотр. Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; petrova_d_s@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Ключевые исследования, посвященные вопросам санкций и которые существуют на сегодняшний день¹, главным образом охватывают проблематику в области международного публичного права, международных инвестиций и арбитража, а также прав человека. В такой системе координат изучение места санкций в частном праве и определение того, как они влияют на договорное взаимодействие частных лиц, практически не проводится.

Однако участники гражданского оборота, претерпевающие негативное действие санкций, неизменно сталкиваются с проблемой их воздействия на заключенные договоры: какие-то договоры становятся чрезмерно обременительно исполнять, другие оказываются просто бессмысленными для сторон ввиду санкций. Именно в этот момент мы обращаемся к нормам национального частного права, которые помогут либо прекратить ставший ненужным договор, либо адаптировать его под внешние условия, либо хотя бы освободиться от ответственности за нарушение обязательств, произошедшее без ведома и желания должника.

«Термин “международные санкции” обычно используется для обозначения невооруженных принудительных мер, принимаемых государством или организацией для оказания давления на другое государство, группу государств или негосударственную мишень и, в конечном счете, для побуждения к изменению их поведения»². Изначально они принимали форму глобальных или всеобъемлющих санкций против целой страны³.

Впоследствии в противовес международным санкциям в теории были выделены «адресные» санкции (targeted or smart sanctions). Они могут быть выражены в двух формах: секторальные или индивидуальные санкции⁴.

«Секторальные санкции, прежде всего, направлены на экономический сектор государства. Они, как правило, налагают экономические ограничения на конкретные сектора национальной экономики, такие как вооруженные силы, нефть, золото или древесина. Финансовый и банковский сектор также часто является объектом для введения запретов на финансовые операции или ограничений на инвестиции... Секторальные санкции могут также принимать широкий спектр неэкономических форм, таких как ограничения полетов, сокращение масштабов дипломатических отношений или бойкоты культурных и спортивных мероприятий.

“Адресные” санкции могут также разрабатываться таким образом, чтобы они влияли на положение конкретных лиц. Эти санкции направлены на то, чтобы “снять покровы” с государства (piercing the veil of the state) путем воздействия на физических и юридических лиц, которые, как представляется, имеют возможность влиять на поведение государства... Наиболее известные и широко применимые “адресные” санкции имеют форму как ограничений на поездки, включая визовые запреты и контроль за поездками, так и финансовые и банковские ограничения, главным образом в форме замораживания активов»⁵.

¹ См., напр.: Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions / ed. by C. Beaucillon. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing Limited, 2021; Unilateral Sanctions in International Law / ed. by S. P. Subedi. Oxford; London; New York; New Delhi; Sydney: Hart Publishing, Bloomsbury Publishing Plc. 2021; *Кешнер М. В.* Экономические санкции в современном международном праве. М., 2015.

² Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions. P. 2. — См. также: Unilateral Sanctions in International Law. P. 2.

³ Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions. P. 4.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 4–5.

В равной мере «адресные санкции» могут быть классифицированы как первичные и вторичные. Первичные санкции — это «ограничительные меры, которые применяются в отношении физических или юридических лиц, находящихся на территории или подпадающих под юрисдикцию лица, вводящего санкции, и которые ограничивают определенные формы взаимодействия с конкретными партнерами в стране, подпадающей под санкции, или с конкретными партнерами из такой страны. Напротив, вторичные санкции (используемые только США, как правило) имеют экстерриториальное действие, что означает, что любая страна, компания или физическое лицо, осуществляющее коммерцию с лицом, подпавшим под санкции, может столкнуться с судебным преследованием»⁶.

Как показывает проведенный краткий экскурс в природу и виды санкций, последние представляют собой различного рода законодательные ограничения и запреты. Они воздействуют на экономический сектор в самом его широком понимании и в том числе оказывают влияние на заключенные частными лицами договоры. Поэтому сегодня исследование данной проблематики представляет особый интерес. Вместе с тем этот вопрос не является новым для права. Так, например, в английском праве вопрос законодательных ограничений и запретов и их влияния на динамику договора исследуется уже более века, и эти достижения и подходы можно эффективно использовать и сегодня.

1. Английское право: опыт мировых войн и связанных с ними законодательных ограничений

В английском праве последствия кардинального изменения внешней ситуации определяются в рамках доктрины тщетности договора (*frustration of contract*)⁷. Она охватывает три ключевых сферы:

- 1) невозможность исполнения (*impossibility*),
- 2) незаконность исполнения (*illegality*),
- 3) тщетность цели (*frustration of purpose*).

На практике английские юристы и сами судьи не всегда проводят жесткое разграничение между указанными основаниями прекращения договора ввиду его тщетности и часто апеллируют сразу к нескольким.

Санкционные ограничения как частный случай законодательных ограничений и запретов традиционно рассматриваются в рамках концепции тщетности цели договора.

По большому счету впервые проблематика законодательных ограничений и запретов как основания для применения доктрины *frustration of purpose* стала предметом судебных споров во время Первой и Второй мировых войн. Английскими и американскими судами были рассмотрены несколько дел⁸, связанных с вводимыми по время войны ограничениями на использование энергии и освещения (так называемые *black-out cases*), ключевыми прецедентами из которых

⁶ Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions. P. 22.

⁷ Подробнее см.: Петрова Д. С. Доктрина *frustration of contract*: ее сфера действия, признаки и последствия тщетности договора по английскому праву // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 10. С. 115–144.

⁸ Подробнее об указанных делах см.: Петрова Д. С. Отпадение цели договора в российском праве. Сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2022. С. 40–47.

стали *Leiston Gas Co v. Leiston-cum-Sizewell Urban DC [1916]*⁹, *Scanlan's New Neon Ltd v. Toohey's Ltd [1943]*¹⁰ и *20th Century Lites Inc. v. Goodman [1944]*¹¹.

Еще более наглядным примером, демонстрирующим применимость доктрины frustration of purpose к случаям влияния санкций на договорные обязательства, является дело *James B. Fraser & Co Ltd v. Denny, Mott & Dickson Ltd [1944]*¹². В этом споре введенная Министерством снабжения во время войны приостановка торговли привела к незаконности исполнения договора поставки лесоматериалов, вследствие чего соглашение об аренде склада лесоматериалов стало для покупателя нецелесообразным и было прекращено ввиду frustration of purpose.

В приведенных делах можно увидеть последовательное проведение судами общих принципов доктрины тщетности цели договора, сформулированных еще в кейсе *Krell v. Henry [1903]*¹³, а именно:

1) общность цели договора: цель договора должна быть для одной из его сторон причиной, предопределяющей ее вступление в соглашение, а для другой обстоятельством, которое не просто известно, но осознается при совершении сделки и влияет на ее условия;

2) из-за непредвидимого изменения обстановки договор в новых внешних условиях предполагает уже совсем иной баланс имущественных интересов сторон, и его сохранение в неизменном виде становится бессмысленным и убыточным для заинтересованной стороны;

3) частичное отпадение цели договора не составляет сферу применения доктрины frustration of purpose и не прекращает договор¹⁴.

Сегодня, когда английские суды рассматривают споры, связанные с действием санкций на договор¹⁵, они апеллируют к приведенным решениям судов первой половины XX в. И это подтверждает актуальность для английской практики позиций, сформулированных почти 100 лет назад.

Отдельный блок санкционных ограничений составляет товарное эмбарго. Сами по себе импортные и экспортные ограничения и запреты не составляют сферу действия доктрины frustration of purpose¹⁶. Этот вывод продиктован преимущественно тем, что у лица, столкнувшегося с негативными последствиями товарного эмбарго, в большинстве случаев есть иные рынки сбыта¹⁷ или способы приобретения интересующего товара, а рост расходов на исполнение в данной

⁹ *Leiston Gas Co v. Leiston-cum-Sizewell Urban DC [1916]* 2 K.B. 428. URL: <http://www.bailii.org> (дата обращения: 06.05.2023).

¹⁰ *Scanlan's New Neon Ltd v. Toohey's Ltd [1943]* 67 C.L.R. 169. URL: <http://www.bailii.org> (дата обращения: 06.05.2023).

¹¹ *20th Century Lites Inc. v. Goodman [1944]* 149 P.2d. 88. URL: <http://www.bailii.org> (дата обращения: 06.05.2023).

¹² *James B. Fraser & Co. Ltd. v. Denny, Mott & Dickson Ltd. [1944]* UKHL 3. URL: <http://www.bailii.org> (дата обращения: 06.05.2023).

¹³ *Krell v. Henry [1903]* 2 K.B. 740. URL: <http://www.bailii.org> (дата обращения: 06.05.2023).

¹⁴ См. также дело: *Foot Locker Retail Ireland LTD v Percy Nominees LTD (Approved) [2021]* IEHC 749. URL: <http://www.bailii.org> (дата обращения: 06.05.2023).

¹⁵ См., напр., дела: *Dayah & Anor v The Partners of Bushloe Street Surgery & Anor v [2020]* EWHC 1375 (QB). URL: <http://www.bailii.org> (дата обращения: 06.05.2023); *Islamic Republic of Iran Shipping Lines v. Steamship Mutual Underwriting Association (Bermuda) Ltd (Rev 1) [2010]* EWHC 2661 (Comm). URL: <http://www.bailii.org> (дата обращения: 06.05.2023).

¹⁶ *Campbell H. The Law of War and Contract, Including the Present War Decisions at Home and Abroad.* Oxford, 1918. P.303.

¹⁷ *D McMaster & Co v. Cox McEwen & Co [1921]* S.C.(HL) 1. URL: <http://www.bailii.org> (дата обращения: 06.05.2023). — См. также: *Congimex Companhia Geral de Comercio e Exportadora SARL v. Tradax Export S.A. [1983]* 1 Lloyd's Rep. 250. URL: <http://www.bailii.org> (дата обращения: 06.05.2023).

связи обычно не является настолько значительным, чтобы влечь применение концепции *frustration of purpose*. В равной мере английское право, по общему правилу, не квалифицирует намерение стороны договора перепродать в будущем приобретаемый товар как юридически значимую общую цель договора, оно представляет собой лишь ее ожидания и намерения¹⁸.

Как мы видим, английское право допускает возможность прекращения договора ввиду его тщетности из-за введенных санкций. Вместе с тем суды стараются достаточно аккуратно применять подобный подход и только в тех ситуациях, когда действительно под влиянием законодательных ограничений и запретов изменяется сама сущность заключенного договора, а не просто не оправдываются мотивы стороны вступления в сделку. Это позволяет, во-первых, защищать стороны договора, чьи имущественные интересы серьезно страдают от кардинального изменения внешней ситуации, а во-вторых, не дестабилизировать гражданский оборот.

2. Российское право: санкции и их правовая квалификация с точки зрения влияния на динамику договора

В российском праве проблема прекращения или изменения договора, который становится убыточным или бессмысленным из-за санкций, является хорошо известной, но практически неразрешимой. И сложность здесь отнюдь не в законодательном регулировании.

Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) с момента своего принятия и вступления в силу содержит ст. 451, посвященную существенному изменению обстоятельств. Эти правила представляют собой воплощение доктрины *clausula rebus sic stantibus* (оговорка о неизменности обстоятельств), возникшей еще в средневековом *ius commune*¹⁹. Практической сферой применения ст. 451 ГК РФ как раз и являются ситуации последующего непредвидимого и независящего от воли и желания сторон договора изменения ситуации. Частным случаем таких трансформаций внешней обстановки выступают санкции и законодательные запреты и ограничения.

Однако несмотря на то что в российском праве концепция изменения обстоятельств на уровне закона существует почти три десятилетия, а в отечественной доктрине исследуется уже более века²⁰, она не становится понятней для правоприменителя и не используется тогда, когда будет являться адекватным регулятором отношений сторон.

Например, ни один из российских экономических кризисов 1998, 2008 или 2014 гг. не был признан отечественными судами как основание для расторжения или изменения договоров по правилам ст. 451 ГК РФ²¹. Такой подход обусловлен стремлением поддержать стабильность и предсказуемость гражданского обо-

¹⁸ *Congimex Companhia Geral de Comercio e Exportadora SARL v. Tradax Export S.A.* [1983] 1 Lloyd's Rep. 250. URL: <http://baillii.org> (дата обращения: 06.05.2023). — См. также: *Congimex S.A. R. L. v. Continental Grain Export Corporation* [1979] 2 Lloyd's Rep. 346. URL: <http://baillii.org> (дата обращения: 06.05.2023).

¹⁹ Подробнее см.: *Полдников Д. Ю.* Происхождение оговорки о неизменности обстоятельств (*clausula rebus sic stantibus*) в доктрине правоведов *ius commune* // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 3. С. 22–34.

²⁰ Самой первой работой, посвященной исследованию существенного изменения обстоятельств в российском праве, является: *Зейц А. Г.* Влияние изменившихся условий на силу договоров. Иркутск, 1928. 65 с.

²¹ *Петрова Д. С.* Отпадение цели договора в российском праве... С. 107.

рота, даже если подчас это будет происходить вопреки имущественным интересам его участников — сторон договора, который из-за санкций становится бременем для них.

Отечественные суды отказываются применять правила ст. 451 ГК РФ и расторгать (изменять) договор, который под влиянием санкций становится экономически нецелесообразным и/или бессмысленным из-за того, что санкции, введенные в отношении стороны договора и обусловленные этим ухудшение ее финансового положения и нецелесообразность сохранения спорного договора, являющегося предпринимательским риском и должны быть предвидимы²². Нередко в судебных актах просто фигурирует вывод о том, что санкции не могут быть признаны существенным изменением обстоятельств в смысле ст. 451 ГК РФ без приведения каких-либо мотивов и обоснования²³.

Стоит отметить, что именно включение санкционных ограничений в сферу риска сторон договора, а также повышенный стандарт предвидимости предпринимателей, поддерживаемый российскими судами, на сегодняшний день фактически блокирует применение правил ст. 451 ГК РФ в тех случаях, когда необходимо расторгнуть (изменить) договор, подвергнутый негативному влиянию таких ограничений. При этом запрос со стороны участников оборота на вмешательство в договор (и его прекращение или изменения) в таких ситуациях есть, и он достаточно очевиден и понятен²⁴. Не случайно и в доктрине, и в практике каждое новое введение санкций заставляет вновь обсуждать проблематику применения правил ст. 451 ГК РФ. Однако несмотря на наличие реальной потребности применять положения о существенном изменении обстоятельств на практике, правоприменитель не спешит это делать, отдавая безусловный приоритет поддержанию стабильности гражданского оборота.

Чуть более успешной для целей регулирования последствий влияния санкций на договорные обязательства является практика применения правил п. 3 ст. 401 ГК РФ об обстоятельствах непреодолимой силы как основании освобождения от договорной ответственности.

В силу п. 3 ст. 401 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, т. е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. К таким обстоятельствам не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств.

²² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.05.2017 № 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015. URL: https://www.kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0c41ab1b-f5d8-4736-843d-447fb1064dc8/240acb49-6b2a-495e-beea-8e56424bb752/A39-5782-2015_20170523_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True/ (дата обращения: 06.05.2023). См. также: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.11.2016 № Ф05-16501/2016 по делу № А40-208650/2015. URL: https://www.kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e89ae049-05ee-4bb7-8d1e-c43e3376c8dc/bcf0acfa-ab0f-47a1-9571-865900e342ad/A40-208650-2015_20161103_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023).

²³ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 15.01.2019 № Ф10-3498/2017 по делу № А83-7219/2016. URL: https://www.kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e6adcb67-886e-4feb-ba35-7326b8c2d6c8/961ec4e5-be43-41ee-b603-7c6c19e5864f/A83-7219-2016_20190115_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023).

²⁴ Подробнее см., напр.: *Петрова Д. С.* Отпадение цели договора в российском праве... С. 165–171.

Исходя из приведенного положения, обстоятельства непреодолимой силы характеризуются двумя признаками: чрезвычайность и непредотвратимость при данных условиях. Законодатель не расшифровывает содержание данных критериев, однако это делает правоприменитель.

Требование чрезвычайности обстоятельств непреодолимой силы подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях. Не случайно Г. Дербург определял непреодолимую силу как «такие необычные случаи, которые в обороте не могут быть заранее предусмотрены и вследствие этого, при обычных условиях, вовсе не принимаются в расчет»²⁵.

В свою очередь, если иное не предусмотрено законом, обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»). Иными словами, непреодолимая сила — это «случайность высшей категории, никакими средствами неотвратима»²⁶, это «событие, которое не может быть предотвращено никакими мерами»²⁷.

Отчасти поэтому отечественный законодатель и российская судебная практика не признают непреодолимой силой обстоятельства, наступление которых зависело от воли или действий стороны обязательства, например отсутствие у должника необходимых денежных средств, нарушение обязательств его контрагентами, неправомерные действия его представителей (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»). И в этом отражается еще один — доктринальный, признак обстоятельств непреодолимой силы: их внешний по отношению к должнику характер²⁸.

Исходя из приведенных характеристик, санкционные ограничения и запреты могут в ряде случаев подпадать под критерии обстоятельств непреодолимой силы. Очевидно, что частные лица не могут избежать наступления санкций и их негативных последствий, а значит, такие события обладают критерием непредотвратимости. В отношении признака чрезвычайности также едва ли можно утверждать, что санкции — это обычное явление гражданского оборота.

Вместе с тем российский законодатель прямо указывает на то, что к обстоятельствам непреодолимой силы не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для

²⁵ Дербург Г. Пандекты / пер. с нем., под рук. и ред. П. Соколовского: в 2 т. Т. 2. Обязательственное право. 3-е изд., просмотр. и соглас. с 7-м изд. подлинника А. Э. Вормсом и И. И. Вульффером. М., 1911. С. 105.

²⁶ Мейер Д. И. Русское гражданское право. СПб., 1897. С. 178.

²⁷ Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. М., 2012. С. 255.

²⁸ Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2017. С. 705–706 (автор комментария В. В. Байбак). — См. также: Постановление Президиума ВАС РФ от 21.06.2012 № 3352/12. URL: https://www.arbitr.ru/materials/58497?path=%2Fархив%2Fpost_pres%2F (дата обращения: 06.05.2023); Постановление Президиума ВАС РФ от 20.03.2012 № 14316/11, вопрос 7 Обзора ВС РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом ВС РФ 21.04.2020). URL: <https://www.vsr.fu/files/28856> (дата обращения: 06.05.2023).

исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств. Санкции же приводят, главным образом, именно к таким последствиям. Например, товарное эмбарго, при котором российский продавец не может передать своему российскому покупателю товар, приобретаемый им за рубежом и запрещенный для ввоза на территорию Российской Федерации из-за санкций, — это не что иное, как частный случай нарушения обязанностей со стороны контрагентов должника. Или российская компания, которая реализует производимый ею товар исключительно на иностранных рынках сбыта из-за санкционных ограничений, налагаемых на банковские операции, не может получить оплату от своих иностранных покупателей, вследствие чего нарушает денежные обязательства уже перед своими российскими контрагентами, — это пример отсутствия у должника необходимых денежных средств. А это, в свою очередь, значит, что оснований для освобождения должника от договорной ответственности нет.

Указанная проблема на сегодняшний день существует на практике. В рамках действующего позитивного регулирования ее достаточно сложно разрешить, т. к. закон прямо предусматривает соответствующее регулирование, а основания для его ограничительного толкования отнюдь не очевидны.

Вместе с тем Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом ВС РФ 21.04.2020) все же обратил внимание на эту проблематику и предложил ее решение.

ВС РФ в ответе на вопрос № 7, подчеркнув, что, хотя отсутствие у должника необходимых денежных средств, по общему правилу, не является основанием для освобождения от ответственности за неисполнение обязательств, тем не менее указал следующее: «...если отсутствие необходимых денежных средств вызвано установленными ограничительными мерами, в частности запретом определенной деятельности, установлением режима самоизоляции и т. п., то оно может быть признано основанием для освобождения от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств на основании статьи 401 ГК РФ».

Соответственно, из приведенной позиции ВС РФ очевидно следует, что высшая судебная инстанция оставляет возможности для ограничительного толкования п. 3 ст. 401 ГК РФ и для защиты должников тогда, когда они никоим образом не могут повлиять на внешние события и исключить нарушение ими своих договорных обязательств.

Судебная практика применения правил п. 3 ст. 401 ГК РФ является немного более благоприятной для должников, пострадавших от действия внешних чрезвычайных и неподконтрольных им обстоятельств. В отличие от расторжения (изменения) договора в связи с существенным изменением обстоятельств, которое сегодня фактически не работает, суды освобождают от договорной ответственности по мотивам наличия обстоятельств непреодолимой силы, которыми правоприменитель признает, например:

1) ужесточение правил экспортного контроля Евросоюза и правил экспортного контроля США в период действия санкций в отношении Российской Федерации и Республики Крым²⁹;

²⁹ Определение Верховного Суда РФ от 20.08.2018 № 307-ЭС18-11373 по делу № А56-89542/2016. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9bfc2fa9-c1b3-4b12-972a-0fc781cea115/38450463-7b88-4a21-9a23-be1bc1c2d655/A56-89542-2016_20180820_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023).

2) особое внимание к экспорту в Российскую Федерацию товаров, проверка их назначения компетентным органом государственной власти — Межведомственной государственной комиссией Франции — после политических консультаций с компетентными органами Евросоюза, задержка выдачи разрешительных документов на поставку комплектующих изделий «Thales LAS France SAS» в Российскую Федерацию³⁰;

3) ухудшение международной обстановки в 2014 г., введение отраслевых экономических санкций и возникновение проблем с поставкой продукции в ракетно-космической отрасли, что привело к задержке прохождения товарами таможенных процедур³¹;

4) введение в 2014 г. Европейским союзом экономических санкций, которое явилось основанием невозможности поставки вагонокомплектов, необходимых для производства вагонов³²;

5) длительные сроки поставки комплектующих для антенных устройств, примененных вместо недоступной для поставки из-за санкционных ограничений иностранных комплектующих³³.

Однако нужно отметить, что подобный подход не является единственно возможным для целей определения последствий влияния санкций на договорные обязательства. Суды часто те же самые санкционные ограничения не квалифицируют в качестве обстоятельств непреодолимой силы, в частности, по следующим причинам:

1) в материалах дела не представлены доказательства, позволяющие сделать вывод о том, что принятие ответчиком мер по импортозамещению из-за международных санкций против российских предприятий по объективным и непреодолимым причинам являлось невозможным в более короткие сроки, позволяющие своевременно выполнить обязательства по государственному контракту и получить соответствующую оплату от генерального заказчика³⁴;

2) введение экономических санкций не может считаться форс-мажорным обстоятельством для ответчика³⁵.

³⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.06.2021 по делу № А40-14071/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3b554c7b-d6c4-490e-94ac-849f66c9feee/537675b0-241b-4103-a269-2830749e2d2a/A40-14071-2020_20210628_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023).

³¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.06.2018 по делу № А40-70413/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/93e1e3a9-0d97-40b1-98dc-520e4269d4a9/fe1d296c-7cf6-4e9e-986f-278282e56e2d/A40-70413-2017_20180615_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023).

³² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.07.2021 № Ф05-16240/2021 по делу № А40-15648/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fbe3c238-ffaa-4e62-a9bb-6b56acfeba5e/49a68f57-0578-4c51-a083-93dc5a967a6c/A40-15648-2020_20210714_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023).

³³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.10.2021 № Ф07-13614/2021 по делу № А56-45960/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fbe3c238-ffaa-4e62-a9bb-6b56acfeba5e/49a68f57-0578-4c51-a083-93dc5a967a6c/A40-15648-2020_20210714_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023).

³⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.02.2021 № Ф04-6528/2020 по делу № А46-832/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c10bc67d-443a-4019-be99-2a843a048ab0/ad0d7c20-97dc-4885-9f53-4813ea3377da/A46-832-2020_20210208_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023).

³⁵ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10.07.2020 № Ф10-2721/2020 по делу № А83-20229/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e65ad76f-065a-4076-b73c-06490472d173/cfadab75-3ff1-496c-9eec-40047249901f/A83-20229-2019_20200710_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023).

Именно отсутствие причинной связи между введенными международными экономическими санкциями и неисполнением договорного обязательства должником очень часто позволяет судам не освобождать должника от ответственности за нарушение его договорных обязательств³⁶. Указанное свидетельствует о том, что практическое применение правил п. 3 ст. 401 ГК РФ остается достаточно непредсказуемым и не всегда может защитить должника от неподконтрольных ему внешних событий, повлекших нарушение им договора.

Заклучение

Сегодня санкционные ограничения и запреты становятся неотъемлемой частью объективной реальности. И стороны договора, столкнувшиеся с ними, начинают искать способы адаптации договорных обязательств под новые реалии или прекращения договора.

В английском праве эта проблема решается в рамках доктрины *frustration of purpose*, которая существует уже более века и позволяет прекратить договор вследствие тщетности его цели. Утрата договором своего смысла под влиянием действия санкций как раз и может быть признана частным случаем отпадения цели договора.

В российском праве названная проблема подлежит разрешению в рамках правил ст. 451 ГК РФ о существенном изменении обстоятельств как основании расторжения (изменения) договора. Однако практика применения указанных норм на протяжении всего их существования настойчиво демонстрирует нежелание судов обращаться к указанным положениям закона с тем, чтобы обеспечить стабильность и предсказуемость оборота, даже если эта цель будет достигнута за счет интересов частных лиц — сторон договора.

На текущий момент российский правоприменитель фактически позволяет стороне договора лишь освободиться от ответственности за нарушение своего обязательства на основании п. 3 ст. 401 ГК РФ в случае, если такое неисполнение продиктовано санкционными ограничениями и запретами. Причем данный подход судов не является однозначной и стабильной позицией: в отношении ровно тех же самых санкций можно встретить судебные решения с прямо противоположным подходом. Указанное само по себе не способствует внесению ясности к практику применения правил п. 3 ст. 401 ГК РФ и защите сторон договора от действия на них внешних обстоятельств, которые они не могут ни контролировать, ни предотвратить.

Статья поступила в редакцию 10 мая 2023 г.
Рекомендована к печати 21 августа 2023 г.

³⁶ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.08.2017 № Ф05-9562/2017 по делу № А40-129109/2016. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/90dd8bc1-0b01-4894-abea-fa42817c2120/05c01755-a99f-4ea3-8ccf-6cabda0b0189/A40-129109-2016_20170803_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.11.2019 № Ф07-13225/2019 по делу № А21-2045/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f390e4ce-5d98-4131-a3b9-d0ade82b0d65/2ab6223c-0025-42ea-a0fd-c14c5186bfc8/A21-2045-2019_20191118_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.10.2019 № Ф05-17569/2019 по делу № А41-9219/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6c7af9c1-f273-41c5-b873-92d9d65f7703/414e7a00-09a6-466b-b99f-7147c8202573/A41-9219-2019_20191022_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023); Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.01.2021 № Ф10-5236/2020 по делу № А83-2804/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/80ca3229-9301-4534-85c8-d5edf2a91207/8cf6df69-5eda-42c2-8617-0f8da68c58b2/A83-2804-2020_20210112_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.05.2023).

Sanctions and their influence on contractual obligations in comparative law perspective

D. S. Petrova

For citation: Petrova D. S. Sanctions and their influence on contractual obligations in comparative law perspective. *Pravovedenie* 67 (4): 489–500. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2023.406> (In Russian)

The article analyzes the problems of sanctions restrictions and prohibitions and their influence on contractual obligations. Sanctions objectively and by their nature affect the economy as a whole and therefore influence on contracts concluded by private persons. However today the study of this issue is carried out mainly in the context of public law but not private law. In English law the problem of legislative restrictions and prohibitions and their influence on the dynamics of a contract has been analysed for more than a century in the context of the doctrine of frustration of purpose of contract. And English law provides the termination of the contract due to its frustration because of the imposed sanctions. The English courts carefully apply this approach and use it only when under the influence of legislative restrictions and prohibitions the very sense of contract changes. It can't be applicable when just the motives of the party to enter into the contract are not realized. This allows, on the one hand, to protect the interested parties to the contract and on the other hand not to destabilize the civil circulation. In Russian law the article 451 of the Civil Code of the Russian Federation is to decide the problem of the influence of sanctions on contractual obligations. However throughout all the time of existence of this rule Russian courts demonstrate a negative attitude towards it and don't apply it when it is an adequate regulator of the relations of the parties. Today the Russian law enforcement practice allows the party of the contract only to be released from liability for violation of its obligation on the basis of paragraph 3 of art. 401 of the Civil Code of the Russian Federation in the case when such breach occurred due to the enforcement of sanctions restrictions and prohibitions. At the same time, it is worth to mention that this approach of courts is not unambiguous: often courts refuse to recognize sanctions as a force majeure. And this doesn't contribute to clarity to the law enforcement the practice of application the rules of paragraph 3 of frt. 401 of the Civil Code of the Russian Federation and protecting the parties to the contract from the influence of external circumstances that they can't either control or prevent.

Keywords: contract, contractual obligations, change of position, frustration of purpose, force majeure, termination of a contract.

References

- Agarkov, Mikhail M. 2012. *Selected papers on civil law*. In 2 vols. Vol. 2: The general doctrine of obligations and its individual types. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Beaucillon, Charlotte (ed.). 2021. *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, Edward Elgar Publishing Limited.
- Campbell, Henry. 1918. *The Law of War and Contract, Including the Present War Decisions at Home and Abroad*. Oxford, Oxford University Press.
- Dernburg, Genrikh. 1911. *Pandects. Translation from German*. Ed. by P. Sokolovsky. Vol. 2. Law of obligations. 3rd ed. Moscow. (In Russian)
- Karapetov, Artem G. (ed). 2017. *Contract law and law of obligations (general part): clause-by-clause commentary to articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation. [Electronic edition. Edition 1.0]*. Moscow, M-Logos Publ. (In Russian)
- Keshner, Maria V. 2015. *Economic sanctions in modern international law*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Mejer, Dmitrii I. 1897. *Russian Civil law*. St. Petersburg: Mejer, Dmitrii I. 1897. Russian Civil law. Saint-Petersburg, D. V. Chichinadze Publ. (In Russian)
- Petrova, Daria S. 2017. Doctrine of Frustration: Application, Characteristics and Consequences under English Law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia RF* 10: 115–144. (In Russian)
- Petrova, Daria S. 2022. *Frustration of contractual purpose under Russian law. Comparative and Legal Study*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)

- Poldnikov, Dmitrii Iu. 2015. The origins of the clause of constancy of circumstances (*clausula rebus sic stantibus*) in the doctrine of *ius commune* jurists. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 11. Pravo 3: 22–34. (In Russian)
- Subedi, Surya P. (ed.). 2021. *Unilateral Sanctions in International Law*. Oxford, London, New York, New Delhi, Sydney, Hart Publishing, Bloomsbury Publishing Plc.
- Zeits, Aleksandr G. 1928. *The influence of a change of conditions to the force of contracts*. Irkutsk, Izd. Irkutskoi sekeksii nauchnykh rabotnikov Publ.

Received: May 10, 2023
Accepted: August 21, 2023

Daria S. Petrova — PhD in Law, Practicing Lawyer, Research Assistant, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; petrova_d_s@mail.ru